

ПУТЕМ АПОСТОЛЬСКИМ

Епископ Дмитровский СЕРАФИМ Звездинский (родился в Москве в 1883 году) был лишь одним из многих иерархов Русской Православной Церкви, принявших мученичество за веру. Неоднократно арестованный, он не раз был сослан: в Казахстан - сначала в Алма-Ату, затем и Гурьевск, в Уральск, затем в Омск и, наконец, в Ишим, - здесь, в страшном 1937 году закончился его путь. А начинался этот путь испытаний - в Коми крае. Сюда, в Визингу, был в 1923 г. сослан епископ Дмитровский. За три года до этого святейший патриарх Тихон, провожая только что хиротонованного владыку на труды архиерейские, так напутствовал его: “Как ты думаешь, даром ли кадят архиерея трижды но трижды? Нет. не даром. За многие труды и подвиги, сие за исповеднически верно хранимую веру. Иди путем апостольским. Ничем не смущайся, неудобства не бойся, все претерпи”.

Житие епископа Серафима Звездинского составлено на основе записей его духовных чад, о которых почти ничего не известно, кроме имен: Анна, Татьяна. Клавдия. Текст печатается по изданию: Житие епископа Серафима (Звездинского). Письма и проповеди. ИМКА-ПРЕСС. Париж, 1991.

* * *

...17 марта, в день Алексея, человека Божия, был прочитан владыке приговор: “Два года ссылки в Зырянском краю на вольном поселении”. Како изволился Господеви, тако и бысть... Владыка оставался еще в Бутырках, но чувствовал, что там он уже временно.

1-го мая, в канун празднования иконы Божией Матери “Нечаянная Радость” отправился владыка в первое свое изгнание. Дмитровцы знали, что этап - в Усть-Сысольск, но как туда добраться, каким путем повезут, ничего не было известно. Говорили, что путь лежит через Вятку.

От Котласа до Усть-Сысольска на пароходе “Тарас Шевченко” и вл. Серафим Звездинский и вл. Николай Ярушевич путешествовали в одной каюте. Утром епископ Серафим читал Священное Писание, причащался, а днем приходил к духовным чадам в третий класс, беседовал, обедал. Помню, увидел у о. Александра Беляева папироску, дымящуюся во рту. Не выдержало ревностное сердце и, вместе с дорогим, из слоновой кости, мундштуком - выбросил за окошко в воду. Отец протоиерей не огорчился, не оскорбился: видно, и для самого мундштук был не конфеткой. Он поблагодарил владыку.

На третий день прибыли мы в Усть-Сысольск. Дорогой время проводили частично на палубе. Кругом разлилась вода, берегов не было видно, лес стоял на воде. Усть-Вымь, город, украшенный церквами, Соль-Вычегодск. На этих берегах почивали святители зырянские. Мы выходили на эти земли, освященные их стопами. Настроение было радостное, душа была готова на все лишения за радость, данную Господом спутешествовать изгнаннику. Берег Усть-Сысольска высокий, крутой, вышли все и собрались в кучку. Вдруг из багажных наших вещей корзиночка с сосудами покатила в воду. Тут же отважный студент бросился в воду и достал ее.

Все мы слышали, что в Усть-Сысольске находится митрополит казанский Кирилл и там же - из Москвы священник о. Николай Дулов.

Вскоре наши пошли в НКВД. Им объявили, что до особого распоряжения должны находиться в Усть-Сысольске вольно с обязательной явкой на регистрацию. Все направились к владыке Кириллу. Застали его дома. В белом подряснике, веселый, бодрый, величавый, он принял гостей радушно, угощал чаем при хлопотах м. Евдокии, постоянной его спутницы.

Вскоре и мы нашли квартирку. Владыка поместился в светлой комнате в три окна в сторону реки - полы желтые, крашенные, диванчик, иконы, стол, все приглядно, Владыка

утешался молитвою, служил первую литургию в день святителя Алексия, митрополита Московского, чудовский престольный праздник 20 мая. Не было просфор, и владыка взял чистую простую баранку для литургии и Агнца.

Здесь же находилась семья Фудель - Сережа и сестра его Маруся. Они были рады приезду владыки, ч им хотелось чаще его видеть, но не всегда его заставляли, и они думали, что мы ограждаем владыку от них.

25 мая владыка пришел с прогулки, сел обедать, вдруг, запыхавшись, вошла Сарра Моисеевна - ссыльная из анархисток:

“Скорей собирайтесь, - говорит, - владыка, о. Филарет и о. Иван (Дмитровский благочинный), вас троих сейчас на пароход требуют для отправки в Визингу. Вот и бумажка”.

Все всполошились, быстро снимали белье с веревок, еще сырое, увязали в узлы, компот в чайник вылили. На грузовом пароходе ссыльных конвой отправил в трюм, а нас не взяли, на нас нет приказа. Ждите, говорят, пассажирского, недели через три будет. Что делать? Как быть? Куда бежать? Когда удалось упросить начальство, пароход отчалил. И вдруг - нечаянная радость. Сарра Моисеевна сказала, что пароход берет груз. Когда мы появились в трюме среди ссыльных, они всплеснули руками: “Как это вдруг и вы нас нашли и опять вместе?”. “То сотворили владыкины молитвы”, - ответили мы. А отец Филарет воскликнул: “А я уж говорил! Что же это ты, святитель Николай, вез, вез, да и не довез нас с нашими спутницами вместе?”

На третий день ранним утром мы сошли с парохода, в 14 верстах от Визинги. Остановка называлась (здесь в самиздатовской рукописи пропуск - ред.) пустошь. На горе виднелись белые храмы. Когда-то это было место владычного пребывания святителя Стефана Пермского и Зырянского просветителя. Здесь он жил, отсюда проповедовал. Мы расположились на берегу, баржа ушла... Конвой пошел в деревню за лошадью. Мы закусили, откупорив баночку консервов, и попили кипяточку. Настроение было радостное. Чувствовалась свобода и скорее хотелось устроиться на постоянное место. Казалось, здесь уже - предел скитанию. Вскоре нас позвали в ближайшую деревню: готовили лошадей, а мы в ожидании вошли в избу - большой зырянский деревянный дом, где нам предложили чаю. Помню, как я после чая неожиданно нашла в своей кожаной сумке кусок черного хлеба (тогда хлеб доставался нелегко). Для меня это знамение, что хлеб насущный я здесь обрету, что и было В самом деле - хлеб у нас всегда был без перебоя.

Погода была ясная, теплая, солнечная, лошадки вскоре были готовы. Повозки с плетеными корытообразными сидениями. Владыку мы усадили, сами же бежали пешочком близ него и рвали душистые желтые весенние “розочки”, такие же, как у нас - “бубенчики”. Владыка спросил своего кучера, зырянина, знавшего русский, как называются овечки, которых мы по пути встречали во множестве. “Бальки”, - отвечал извозчик. “Бальки, бальки”, - говорил владыка, обращаясь к нам. Он и во все последующее время звал нас и всех своих духовных чад “бальками”, т.е. овечками.

Четырнадцать верст мы быстро доехали. “Где же нам остановиться?” - спрашивали мы извозчика. “У о. Степана разве, да нет, он у нас красный. У о. диакона лучше, он вам подойдет”, - говорил добрый зырянин. (Диакон был против обновленчества). Въехали в Визингу; теперь называют это городом, а раньше было село; узкая улица, по обеим сторонам деревянные дома, налево голубой деревянный корпус с мезонином - больница; направо - чайная. Затем площадь, посреди большой белый храм, налево дома: о. диакона и священника о. Стефана. Остановились у первого лома - дома о. диакона. Вышел хозяин, молодой, в очках, светловолосый, в подряснике, в шляпе с широкими полями - о. диакон. Он стал угощать нас чаем во дворе за круглым столом, угощал вареными яйцами; приветливый, внимательный, обещал с нами походить, поискать квартиру владыке, о.

Филарету и о. Ивану Суравьеву (благочинному г. Дмитрова, осужденному вместе с владыкой). Попив чаю, пошли с о. диаконом в лучшие, по его мнению, дома. Помню, мне очень понравилась чистая половина на высоком холме, но хозяева не согласились пустить. Давали понять, что ссыльные, люди преступные, опасно их держать, близко закрома с хлебом. “Запоры у нас плохие, нет, - говорили, - пустить не можем”. Обойдя все ближние места, мы пошли в селение, отстоящее от города версты за полторы или две - Средний Кольель. В одном доме - множество ребят, но половина дома свободна, хозяйка Евдокия, раба Божия - простая, добрая.

“Батюшек пустить, - сказала она, - я согласна. Сколько же их?” “Двое”, - ответили мы. “Приходите, я мужу скажу, он пустит”, - ответила. Она знала русский, это тоже было удобно. Мы поднялись в Средний Кольель. “У Афанасия, - говорил о. диакон, - хороший дом, для владыки подходящий”. Вошли в дом: большие деревенские сени, направо изба; сидит хозяин, хозяйка, тут же мальчик. “Вот я вам привел плательщиков, - пояснил о. диакон. - Архиерей из Москвы и с ним вот его родственница”. Зачесал затылок хозяин - Афанасий Семенович. “Ссылный, говоришь?” - и принялся объяснять что-то позырянски, горячо и быстро. Вскоре выяснилось, что он тоже не соглашался, боялся: ссыльные - вредные люди, нечестные, да и деньги-то теперь ничего не стоят, дешевают, а купить здесь нечего. “Если будут платить хлебом - другое дело”. Это последнее место, на которое рассчитывал о. диакон, больше идти некуда. Дом очень чистый. Место тоже хорошее - близко лес, дома друг от друга далеко. Только проходить через половину хозяев, но зато две комнаты: одна большая для владыки в 6 окон, и одна для нас, проходная, маленькая с итальянским окном. “Это только летом, - пояснил хозяин, - а в этой половине нет печки, там жить будет нельзя”. “Да как-нибудь устроимся, печь сложим”, - заметили мы. “Нет, и печь тут не поможет, подпол холодный”, - заметил хозяин. Узнав, что невдалеке пустили священников Евдокия с мужем, Афанасий Семенович стал более покладистым: “А у Василия были? - спросил он. - Сходите к Василию”. “Да мы никуда больше не пойдем, мы уж весь день исходили, и больше всего нам у вас нравится” - ответили мы. “У Василия сын - коммунист”, - сказал о. диакон.

Так мы сговорились платить хлебом, один или два пуда в месяц - не помню. “А где вы хлеба возьмете? На ваши деньги здесь хлеба не достать. Хлеба здесь маловато родится”. “Бог поможет, - решили мы, - а переходить надо”. Радостно побежали мы за владыкой, хозяин дал лошадей для вещей. Через два часа мы с владыкой были на новом месте. Зырян набилось в избу множество, а особенно - детишек. В этом заброшенном, пустынном месте это было настоящим событием. Все разглядывали нас.

Пройдя в переднюю комнату, владыка достал образ Казанской Божией Матери и отслужил молебен. Он чувствовал, что прибыл на место своего “спасительного изгнания”, - как он сам нарек свое там пребывание. Устроился и уголок для Божественной литургии налево от входа.

На первый месяц, - продолжает записки спутница владыки, - у нас хватило денег и кое-каких продуктов, дальше пришлось менять, что было. Но к этому времени и дмитровцы узнали, что владыка доехал: стали снаряжать к нему свою посланницу Таню.

Прибыли мы в Визингу 27 мая 1923 года, а к 1 сентября уже приехала к нам и Таня. Торжеству не было конца. Родная связь с дорогими, горячо любимыми чадами, с родною паствою окрыляла владыку, возрадовала и отцов, утешила и нас. Всем была радость: владыке - письма от чад, батюшке о. Ивану - от семьи, нам - от матушек, Клавдюше - от м. Сергии, мне - от м. Фамари. Владыка писал матушке, что Нюру я оставлю при себе, она мне поможет читать и петь.

Жизнь протекала мирно. Утром - Божественная литургия. Приходил чудовский о. Филарет. Пели мы с ним вдвоем. Праздники отмечались соборным служением, - служили вместе с владыкой и батюшки.

Днем владыка ходил на молитву в ближний прекрасный лес. Вековые хвойные деревья, внизу ковер из брусничника и мха всех цветов - серый, светло-зеленый, темно-зеленый, темно-красный, ярко-красный. Сушняк хрустит под ногами, а рядом дорога к шоссе, недалеко и уединенно. Пройдет лишь скотинка и редко-редко кто - за ягодами и грибами. Здесь была у владыки и пустынька - круглый холмик вроде кафедры. Мы даже выложили на нем из белых камушков бордюр с надписью по-гречески: "исполла эти деспота". Рядом корень дерева, раздвоенный, как сидение. А все кругом залито солнцем и птички немолчно поют. Невольно прикладывается рука к сердцу, невольно возводится взор к Всевидящему Богу на небеса, невольно склоняются колена на молитву и благодарение Господу. Владыка здесь обрел свой покой. Его страдальческий и подвижнический путь венчался здесь подвигами молитвы и любви к Богу.

Вскоре ссыльная семья пополнилась: прислали вторую партию ссыльного духовенства. Прибыли три батюшки: о. Петр Баженов, протоиерей-настоятель Тульского собора, о. Сергей и о. Николай из Симбирской обл., села Промзина, где чудотворная деревянная фигура Святителя Николая славится во всей округе.

Батюшки пришли к владыке благословиться и за содействием в устройстве. Им хотелось быть неподалеку, чтобы иметь утешение в общении и главное - в молитве. Стали их устраивать...

С о. Сергием приехали матушка Агафья Семеновна и дочка Шура, лет 11. Скоро все привыкли друг к другу. Батюшки в праздники приходили на торжественное архиерейское богослужение с четырьмя сослужащими протоиереями игуменом и одним священником.

Также и у батюшки бывал владыка, где совершал праздничные соборные богослужения. Пономарская должность, просфорочки были за мной, - вспоминает Анна, - а вскоре, с осени, 16 октября 1923 г., я стала и дьячком, чтецом владыкиной келии, - церкви во имя Божией Матери Скоропослушницы. Во имя Ее был у владыки и антиминос и образочек на бумаге маленький, висевший у него в изголовье все время его заключения в Бутырках, и привезенный в Зырянский край. Торжественное было пение, батюшки все знали хорошие напевы и пение. Владыка читал за всенощной канон и стоял неслужащим на архиерейском особом месте. Сделали ему ковер с орлом, сделали ему митру, сделали панагию с камушками, дикирий и трикирий деревянные, зырянской работы. Зыряне приходили в умиление и говорили лишь по-русски слова: "О Господи, Господи", прикладывая руки к груди. Зыряне любили владыку за его приветливость.

Помню, - продолжает спутница владыки, - осенью был такой случай: суббота под 24 августа, день св. Петра Московского. Утром владыка по обыкновению пошел в пустыньку и сказал: "Я приду пораньше, чтобы отдохнуть перед всенощной, а то отцы придут". Я ждала его к обеду, а его нет. И час, и три, и пять часов, я уже сбегала в - пустыньку, кричала повсюду, все дороги обежала, но только, как в океане лесном, раздается эхо и все кругом мертво. Боже! Что делать? Где искать, где? Что с владыкой? Часто у него с сердцем было плохо, не заболел ли, не лежит ли где без памяти? Не обидел ли его кто, не заблудился ли где? А может быть уже вернулся и дома, в Кольеле... Бегу, - нет, говорят, - не приходил. - К 6 часам отцы собрались. Тоже забеспокоились. Уже темно. Хозяин с сыном обежали все дороги. "Владыки нет. Что делать? Завтра надо объявлять, народом искать на лошадях, - говорит хозяин, - не заблудился ли где, не лежит ли где больной?" "Святитель Николай, выведи его", - молились мы. И вдруг общая радость: "Владыка идет!" Откуда, где был? "Я, - говорит, - утром еще пошел по дороге вглубь, и она кончилась, видно, проехали лишь за сеном или дровами. Дай, перейду на другую дорогу. И та кончилась. Хотел перейти опять и пошел, а дорог больше нет, - болота, кочки. На кочку ступишь тонет. Нашел пустые избушки на поляне. Это для сенокоса (хозяин пояснил - в 18 верстах от нас). Потом взмолился Богу и св. Николаю. Слышу, - говорит, - колокольчик - корова. Я ее подхлестывать: думаю, все равно к дому пойдет. Она меня и

вывела на дорогу, и вот иду весь день и, слава Богу, дома. Если бы св. Николай не прислал мне корову, не вышел бы из леса”.

Ничто не омрачало нашу жизнь. Хозяева - люди добрые, приветливые. Афанасий Семенович очень заботливо относился к своему плательщику; баня топилась по-черному, была низкая, он ее поднял на аршин, она стала высокая и удобная. Сделал мебель: диван, деревянный комод и стулья, давал лошадей каждый раз на регистрацию в город владыке, запрягал самую лучшую упряжь и лучший свой экипаж - корзинчатую повозку. “Завтра владыку повезем новым телегом”, - говорил его сын Федя, подросточек, тихий паренек. “Педэр, Педэр, - звала его мать и, ругаясь, называла его: - ах, ты, коммунист, ты, коммунист”. Педэр попробовал шоколадку, долго плевался, потом полюбил и охотно кушал. В пасхальную ночь все молились вместе. Федор стрелял в 12 часов из ружья для торжества. Постом все говели, даже приходили соседи, но через несколько дней власти им запретили посещать ссыльных за богослужением. Приходили и светские ссыльные, из Петрограда студенты: один даже читал шестопсалмие, но славянская грамота ему трудно давалась.

Каждый четверг ходили владыка и отцы на регистрацию. Владыка обычно ездил на хозяйской лошади, но иногда в хорошую погоду ходил пешком. У него была сделанная зырянами деревянная палочка, покрашенная черным лаком. Мы ее особенно берегли, но она упала как-то раз в реку и уплыла.

Батюшки тяготились регистрацией и отец Иоанн вздумал не ходить. “Я им не мальчик, - говорил он, - да, не мальчик!” Но не тут-то было: вскоре с винтовкой явились за ним и увели.

По дороге встречались мальчишки-ученики. Представительная фигура владыки вызывала в их воображении образ патриарха Тихона, и они восклицали: “Тихон, Тихон”, а о. Иоанна прозвали за его энергичную невысокую фигуру “Керзоном”. Часто детишки прибежали к нам как будто полечиться, а на самом деле - за конфеткой к владыке. Матери приносили младенцев под благословение. Мужчины боялись в нетрезвом виде пройти мимо окон. “Тише! Владыка услышит”, - говорил Афанасий Семенович своему другу Василию. А тот, как отойдет чуть дальше, опять “бутылочку” запоет на русском языке. Но сам Афанасий редко молился: “Робить куда легче, владыка, чем у тебя молиться”, - сознавался, бывало. “Как я тебя поминать-то буду?! - говаривал со слезами, - такого плательщика у меня больше уже никогда не будет”.

Хозяйка приносила каждый праздник целый поднос “шангов” - лепешки с маслом, творогом, картошкой, пропитанные маслом: в большие же престольные праздники - пиво, очень хорошо приготовленное. Бывал и владыка у них в гостях. Хозяева вскоре уступили ему свою теплую летнюю кухню, сами перешли в зимнюю через сени, и мы остались одни. Клавдия и я в кухне на полатах; владыка в нашей маленькой, где сложили маленькую печку. Молитвенный уют все восполнил, и не чувствовали мы скуки, только, бывало, выйдешь, взглянешь на темный лес и подумаешь: “Где-то там, далеко-далеко, наша родная сторонushка, за лесами, за реками”. Но с владыкой всюду рай, и все ясно, хорошо. Здоровье мое только стало ослабевать: страдала от духоты на полатах, а может быть, еще от непривычных условий. Но за все - слава Богу.

Помню, как под равноапостольную Марию Магдалину мы собрались все молиться в лесу. На краю холма, в невысоком лесочке выбрал владыка местечко. “Знай, - сказал он мне пророчески, - здесь будет женский монастырь во имя святой Марии Магдалины”.

Тревожно переносили мы дни посещения нас властями. Танин приезд вызвал подозрения начальства, а когда она уезжала, устроили обыск. Но все обошлось, ничего не было у нас нежелательного для них.

Помню, как на Рождество пришел с иконой зырянский священник о. Степан. “Вы к какой церкви принадлежите? - спросил его владыка, - к православной?” “Да-да, ваше преосвященство, к живой православной церкви”. “Как это? - спросил владыка. - Одно дело к православной, другое - к живой”. “Вам, должно быть, известно”. “Если хотите, чтобы я вас принял, - заметил ему владыка, - вы должны отказаться от ложной церкви, покаяться и присоединиться к православной церкви вновь. Желаете ли сего?” - “Желаю, ваше преосвященство”, - ответил убеленный сединами протоиерей и тут же перед крестом и Евангелием дал обет быть верным Православию, отказавшись от заблуждений живоцерковников.

Зыряне чувствовали сердцем что-то недоброе в живоцерковничестве; в вере же они были, как дети. Русского языка не понимали, смысла тропарей не разумели, молились сердцем и душой, повторяя по созвучию знакомые слова: “Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума”. “Ен бурсилалки, - пели они, и мы их понимали, - Господу помолимся”.

Часть нашей семьи скоро освободилась досрочно: и о. Сергей и о. Николай уехали домой. Проводили их зимой, по зимнему тракту на лошадях до ст. Мураши. Отец Николай вскоре скончался от туберкулеза дома, а отец Сергей как проповедник еще много славился в разных местах.

Незаметно прошли два года. Наступила весна 25 года. Кончился срок ссылки: 17 марта уже миновало. Было Благовещение пресвятой Богородицы. Вечером поздно вышли мы на теплый весенний воздух, душа была полна мира. Владыка отошел в уединение на молитву, видно было, как он кладет поклоны под сводом звездного неба. Он был радостен, молитвенно восторжен и Господь касался душ наших.

Неожиданно пришел о. Иоанн. Принес радостную весть: “Владыка! Пришла бумага о нашем освобождении, мы свободны и можем ехать домой”. Недаром ликовала душа, недаром чувствовалась тихая радость. Господи, слава Тебе.

А утром - телеграмма о кончине святейшего патриарха Тихона. Радость омрачилась скорбным известием.

Тихо жилось в Зырянском краю, не знали мы, что ожидало нас, - продолжает записки Анна. - Владыка говорил Тане: “Хотя на два часа, я все же побываю в Дмитрове”. Бумаги нам дали на Дмитров, явиться в Дмитровский НКВД. Начались приготовления к отправке, надо собраться; по дороге весенние разливы, навигация еще на началась. Дожили до 26 апреля: в день св. Стефана Пермского, покровителя зырянского, тронулись в путь.

Пасху встретили еще в Кольеле, а здесь уже весна, все в цвету, и так радостно было, надежда на лучшее еще теплилась в сердцах. До реки в 18 верстах от Визинги наши соседи брались нас довезти, а там ввиду половодья нельзя на лошадях - надо дожидаться других подвод и еще на них до Усть-Сысольска 80 верст.

Добрые зыряне провожали владыку Серафима со слезами. Кланялись ему в ноги, крестились и целовали его, как родного отца. Много согрел епископ хладных душ, многих утешил и просветил своею любовью. Женщины с детьми на руках бежали за повозками провожать до большой дороги. Так простились мы с дорогим и оставшимся в сердце Кольелем. Проехали школу. Ребята по обычаю своему с верхнего этажа школы кричали: “Тихон, Тихон! Керзон, Керзон!” Доехав до реки, мы сошли со своих повозок, еще раз простились со своими кольельскими зырянами, тепло, сердечно и со слезами. Сели в лодки и переправились на другой берег. Из соседней деревни нашлись возчики. Справляя “Степана Великого”, все они были навеселе. Наняли три подводы. Поехали, Господи благослови!

Доехали до села, остановились на постоялом дворе. Полежали немножко на полу, а утром рано тронулись в путь. Въехав вглубь дремучего леса, мы неожиданно увидели, что на

тройке нас догоняют из нашего города Визинги сотрудники НКВД. Они подозвали возчиков, о чем-то долго говорили по-зырянски.

“Что они тебе говорят?” - спросила я своего извозчика. “Велят вас бросить здесь, в лесу, а мы не хотим. Ведь мы люди честные, много всего возим, и почту возим столько лет”. Но беда была в том, что энкаведисты подпоили наших мужиков водкой. Мужики еле стояли на ногах. Только один наш возчик Василий не пил. Возчик о. Иоанна не владел собой. “Василий, возьми у него топор”, - стала я просить своего возчика. “Господи, спаси нас и владыку”, - молилась я. Остались мы в лесу и в руках у нетрезвых людей. “Св. Николай, спаси нас!”

Разъяренный извозчик просил отдать топор, но топор мы спрятали в сене. Тот гнал лошадь; вдруг свалился с телегой в канаву и застонал. “Что с тобою?” - подошли мы к нему. Рука у него оказалась переломлена. На него жалко было смотреть. Лошадь его мы привязали к нашей, самого усадили в повозку и уже тихо последовали дальше. В Усть-Сысольске поместили его в больницу, сами же поехали к дому усть-сысольского священника о. Клавдия.

Здесь догнал нас митрополит Кирилл, тоже получивший освобождение. Положение его было особенно тяжелым: в завещании Патриарх Тихон назвал его первым кандидатом на местоблюстительство. Приезда его в Москву ждала Православная Церковь. Однако, несмотря на освобождение, его задержали в пути, не давали возможности вернуться в Москву. “Видел я сон, - говорил митрополит, - стою на берегу бушующей реки, а мне надо следовать по ней. Вдруг огромная льдина преградила путь. Видно, - пояснил он, - мне сейчас закрыт путь в Москву, а что будет, Богу известно”.

Когда мы были уже на подходе, митрополит Кирилл, в белом подряснике, стоял на берегу, провожая владыку Серафима в новый путь, на новые подвиги и испытания.